

ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗМ: ИДЕЯ И МЕТОД

М.А. БЕЛЯЕВ, к.ф.н., доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Российская Федерация, г. Москва), e-mail: mabelyayev@msal.ru

В статье обосновано, что некоторые отечественные философы права, декларирующие приверженность правовому реализму, связывают эвристичность данного подхода с его способностью редуцировать многообразие наблюдаемых явлений к фактам, а связи этих явлений – к причинно-следственным связям. Такое понимание возможностей правового реализма соответствует прагматически ориентированному мировоззрению отдельных его сторонников. Вместе с тем общественные условия, в которые помещен вооруженный данным инструментарием субъект познания, не благоприятствуют поиску новых истин по следующим причинам. Во-первых, социальная коммуникация имеет не только фактическую составляющую, но и символическую, которая в сфере публичной власти выражена понятием легитимности, а методология правового реализма не позволяет раскрыть в должной мере проблемы достижения и утраты легитимности. Во-вторых, в работах сторонников правового реализма в значительной мере упрощен онтологический компонент, поскольку роль и значение коллективной деятельности в функционировании правовой системы редуцированы до индивидуального уровня. В-третьих, сохранение приверженности реалистической идеологии ведет к утрате предметной специфики, создаваемой юриспруденцией. Эта специфика заключается в государственно-правовых закономерностях, сведение которых к иным по природе связям методологически возможна, но вовсе не необходима для правосознания в целом и его идейного уровня в частности.

Ключевые слова: правовой реализм, философия права, парадигма, социология права, позитивизм, методология социальных наук, юридическое мышление, юридическая деятельность, прагматизм, методологический плюрализм.

Введение

Импульсом к написанию данной работы послужил выход в свет коллективной монографии «Перспективы правового реализма» [1]. Это издание, как и те книги, которые ранее выходили под редакцией И.Л. Честнова и Е.Н. Тонкова, явилось плодом усилий многочисленного коллектива авторов, в большинстве своем весьма положительно настроенных по отношению к правовому реализму, и демонстрирующих готовность использовать его базовые мировоззренческие установки в исследовании конкретных проблем права и государства. Один этот факт, как представляется, уже демонстрирует наличие перспектив у данного исследовательского направления. Однако трудность заключается в том, что часто оригинальный исследовательский подход в его употреблении сводится к новой интерпретации накопленных учеными суждений. Если временно отвлечься от связи научной истины с реальностью, конвенциональный характер этой истины позволяет создавать всё новые и новые интерпретации без какого-либо их взаимного сопоставления. Но действительная оценка эвристичности метода или подхода требует такого сопоставления.

В данной статье предполагается выделение в правовом реализме инструментальной части (посредством разграничения реалистической идеи и сопутствующей методологии) и определение

того, благоприятствуют ли факторы и условия, в которые помещен вооруженный данным инструментарием субъект познания, поиску новых истин в сфере права.

Материалы и методы

Безусловно, проделываемая в этом тексте работа носит всецело *аналитический характер* и способствует производству ряда полезных *абстракций*. В действительности идея и метод действуют в органическом единстве, конституируя из индивидуальных исследователей некое коммуникативное сообщество, в пределе своего развития образующее *парадигму как форму индивидуации мышления*. Но мыслитель, всецело верный определенной парадигме, склонен некритически отвергать альтернативные подходы, также выступающие результатом коллективного мышления ученых. А поскольку никакого *tertium comparationis* (основания для сравнения) для двух парадигм нет, аналитическое разделение представляется довольно полезным приемом.

Основные положения

Особенности правового реализма демонстрируются соавторами названной выше монографии применительно к разным задачам. Так, например, И.А. Честнов, говоря о правовом реализме, выделяет узкий и широкий подходы. Первый рассматривает правовой реализм как «перспективное и активно развиваемое сегодня как в отраслевых юридических науках, так и в теории права направление, акцентирующее внимание на юридических практиках: как действуют ... правоприменители и обыватели; чем мотивированы их действия; какие факторы (правовые и экстраправовые) влияют на такого рода действия» [1, с. 77]. В рамках широкого подхода предполагается, что микросоциология юридических практик дополнена их философско-теоретическим обоснованием. Вообще давать обоснование для той или иной практики, деятельности – ход, свойственный классической рациональности. Утверждается, например, что определенное действие следует совершать или предпочесть иным действиям, поскольку оно наиболее эффективно при существующем распределении ресурсов (прагматизм, утилитаризм, экономический способ мышления) либо поскольку оно наиболее полно отвечает принципу, норме, заповеди (религиозный способ мышления или этика эпохи Просвещения). Современная рациональность в своих запросах скромнее, в ее пределах обосновать уже совершенное действие означает лишь продемонстрировать его изначальную возможность. Благодаря таким авторам как К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд, М. Фуко мы знаем, что эти возможности могут пониматься искаженно, поэтому и действия, оцениваемые самими субъектами как рациональные, могут не быть таковыми в действительности. В гносеологическом отношении это лишь делает задачу обоснования на один шаг длиннее, поскольку у названных искажений восприятия тоже существуют причины – внутрисубъективные или общественные, чье постижение входит в задачу рациональной реконструкции.

Вопрос состоит лишь в том, способен ли правовой реализм осуществлять эту реконструкцию, с одной стороны, и необходима ли она для нужд юридического сообщества, с другой стороны. Если предположить, что глубина постижения причин того или иного поведения зависит от вовлеченных в исследование неправовых факторов, а именно это и оговаривает И.А. Честнов, то налицо размытие предмета юридического познания. В мире всё связано незримыми многочисленными связями со всем прочим, материя субстанциальна, поскольку ее формы взаимосвязаны и не имеют «бытийных» разрывов внутри себя. Следовательно, для любого юридически значимого факта могут быть найдены причины каких угодно порядков, лежащие за пределами собственно права. В этом случае правовой реализм превращается в реализм лингвистический, психологический, экономический и даже физический, поскольку во всех этих областях есть детерминация одних событий другими. В конечном итоге, сохранив приверженность реалистической идеологии, мы утрачиваем предметную специфику, создаваемую юриспруденцией. Эта специфика заключается в государственно-правовых закономерностях, подмена которых иными устойчивыми связями, безусловно, возможна, но вовсе не необходима. Рискну утверждать обратное: эпистемически добродетельным следует считать такой научный поиск, результаты которого будут принадлежать той же предметной области, которой принадлежали и поставленные исследователем вопросы. Но должны ли мы быть эпистемически добродетельными – это вопрос, на который каждый исследователь отвечает самостоятельно.

В целом, из аргументации И.Л. Честнова не следует, что юриспруденция, стремясь к большей реалистичности, по какой-то причине должна перестать быть тем, чем она является. Мотив углубления познания сохраняет свою значимость, но нужно тщательно выбирать между различными способами такого углубления, поскольку не все средства одинаково хороши. Добавление в мир права эмпирических данных далеко не всегда ведет к открытию новых устойчивых связей, в особенности, если иметь в виду природу правовой системы и ее составных частей.

Е.Н. Тонков, главный сторонник правового реализма в его российском варианте, выдвигает два важных апологетических тезиса, не лишенных, однако, двусмысленности. Первый состоит в том, что приверженцами правового реализма «отрицается примитивизация права как замкнутой логической системы, в которой действуют только добросовестные законодатели и идеальные правоприменители (в т.ч. судьи). В реалистической парадигме творцы законов не отстаивают интересы (якобы избравших их) граждан, создавая полезные для населения нормы права, а судьи не выводят механически решения из очевидных фактов и понятных норм. В человеческих сообществах нормотворцы действуют перманентно в интересах себя и своих референтных групп, а судьи принимают решения, стремясь максимально институализировать свои (материальный и процессуальный) статусы» [1, с. 121]. Возражая на это утверждение, можно было бы заметить следующее: а) полагание права как логической системы во всяком случае есть некая полезная условность, но ни в коей мере не его примитивизация, поскольку реализация логического мышления в юридической деятельности во многих случаях есть интеллектуально сложный процесс; б) если отрицать логический характер связи правовых норм между собой, непонятно, чем его следует заменить (чисто волевая связь имеет место в мире человеческих действий); в) статус судьи и так максимально институализирован, вероятно, автор имел в виду, что некие решения создают для некоторых судей угрозу утраты судейского статуса, но в таком случае автор неявно предлагает либо элиминировать принцип независимости судей в их служебной деятельности, либо счесть нормой отклонение от соблюдения данного принципа, то есть легитимировать случаи таких отклонений и в пределе опять-таки обесмыслить сам принцип. И если на мгновение вообразить, что выявляемые ситуации забвения этого принципа как-то влияют на его легитимность, остается загадкой, по каким правилам должны в таком случае действовать участники судебного процесса, имея в виду личную заинтересованность судьи в определенном решении по делу. Позволяется ли и этим субъектам игнорировать требования процессуального законодательства или же имеет смысл попытаться восстановить нарушенную законность – такие вопросы возникают при комментировании первого категорического тезиса Е.Н. Тонкова. Говоря иначе, если совокупность норм описывает желаемые (с точки зрения законодателя, в первую очередь) способы поведения, то всякое отклонение от этих норм и необходимо рассматривать в этом его качестве, то есть как поведение, противоречащее нормам. Вопрос о том, чей интерес отражен в конкретном законодательном акте, есть вопрос политический, а не правовой. Если парламент той или иной страны систематически допускает забвение интересов избирателей в своей деятельности, нужно ли нормализовать эту ситуацию путем отыскания достаточного количества ее причин? Ответ кажется очевидным: причины знать необходимо, но и противостоять их пагубному действию также необходимо.

Кроме того, непонятно, почему такого рода политически объяснимый расклад сил и интересов нужно инкорпорировать в правовую науку, что может дать такая инкорпорация? Приведет ли она, например, к признанию неэффективности института конституционно-правовой ответственности и его частичной или полной ликвидации? Подобные вопросы вновь возвращают нас к сопоставлению правила поведения и конкретного действия, соответствующего этому правилу. Можем ли мы сказать, что совершившее это действие лицо действительно следовало правилу? Поскольку внутренний мир действующих лиц для нас непрозрачен, следует пользоваться условностью или фикцией, отвечая на вышеуказанный вопрос положительно. В этом смысле веками проверенный алгоритм юридической квалификации содеянного и есть инструмент, обеспечивающий максимально реалистичное познание социальной действительности в условиях недоступности ряда параметров на ее микроуровне. Гипотетически предполагая, что поведение, соответствующее правилу, представляет собой следование данному правилу, государство в лице уполномоченных органов либо стимулирует такое поведение, либо прямо предписывает его, но не сводит сами действия лиц к обусловившим их

причинам. Если такой ход не имеет места в действительной жизни, насколько он необходим в науке? Создатель юридической нормы обладает волей, и исполнитель данной нормы также обладает волей. Теоретическое познание причин их действий, уходя все дальше в глубь материальных факторов, отчасти аннигилирует волевою природу правоотношений.

С другой стороны, юридическая наука уделяет огромное внимание отклонениям от правил, достаточно вспомнить, насколько подробно в уголовном праве разработана конструкция состава преступления, и как необоснованно и избыточно на ее фоне выглядит попытка описать по той же модели состав правомерного поведения. Такие попытки не находят своего применения ни в какой отрасли законодательства, в связи с чем их плоды содержатся лишь в учебниках по теории государства и права, где их присутствие также не мотивировано. Хорошо разработанная в рамках науки конструкция оказывается не подверженной дальнейшему обобщению, что создает предел абстрактно-научному мышлению в данном вопросе.

Охранительной функции права корреспондируют такие дисциплины как криминология и юридическая психология, являющиеся прикладными, но чрезвычайно важными. Человечество, создавая институты, заинтересовано в их эффективной работе, поэтому причины и условия правонарушающего поведения изучаются весьма пристально. И их изучение не обходится без эмпирических данных, так что и сами причины правонарушений рассматриваются как факты – открытые, либо подлежащие открытию в будущем. Факт рассматривается как причина другого факта, а норма – как основание для другой нормы, но причина не тождественна основанию, а из факта не вытекает нормы. И повсеместная распространенность правонарушений не легализует его, это может сделать лишь законодатель посредством строго определенных процедур (декриминализация деяния)

Второй тезис Е.Н. Тонкова следующий: «Правовые реалисты единодушны в том, что формализованные тексты о должном (напр., нормативно-правовые акты) не являются адекватным описанием правовой реальности. Феномен сущего в праве не раскрывается в концепциях, игнорирующих реалистические паттерны. Различение «права в книгах» и «права в действии» является обязательным для всех сторонников реализма» [1, с. 123]. Думается, уважаемый исследователь не станет спорить с тем, что нормы принимаются и оформляются с тем, чтобы направлять поведение лиц, субъектов – индивидуальных и коллективных. Работа государства, в чьих руках находится право (инструмент), весьма схожа с работой учителя. Рассмотрим, например, как учитель математики взаимодействует с учеником. Вначале он объясняет ученику некоторое арифметическое правило и показывает, как это правило работает. Затем предлагает ученику повторить показанное, затем модифицирует упражнение и даёт много подобных заданий, добиваясь полной самостоятельности и полного понимания учеником данного правила. И до тех пор, пока ученик будет совершать ошибки, учитель будет ему указывать на них, что вполне оправданно и ожидается от учителя (если не учеником, то уж точно его родителями). Также и государство – сколько бы раз субъект ни нарушал закон, он всякий раз должен будет нести ответственность (если наличествуют условия ее наступления, здесь как раз и соединяется должное и сущее). В области педагогики никому не приходит в голову всерьез различать «математику в книгах» и «математику в жизни», понимая под первой предметную основу деятельности учителя, а под второй – то множество ошибок, которые совершают ученики в процессе освоения арифметических правил. Напротив, хорошая работа учителя сводит множество ошибок учеников к минимуму. В правовой сфере действует та же логика: чем меньше правонарушений, тем (для государства) лучше, причины правомерного поведения при этом не так уж важны, поскольку на правомерное поведение не нужно воздействовать посредством принуждения.

Таким образом, мы видим, что Е.Н. Тонков, как и И.А. Честнов, хотя более открыто и непосредственно, выступает за придание эмпирическим знаниям какого-то особенного статуса в юридической науке, которого они якобы лишены в настоящее время. И это устремление, с его точки зрения, положительно характеризует правовой реализм. В действительности здесь имеет место недооценка текущего положения дел в юридической науке, где существует целая область, называемая социологией права, которая занята изучением условий действия права в конкретном обществе и разработкой предложений по совершенствованию отдельных правовых инструментов, пригодных опять-таки для конкретного общества. Уделить фактам больше внимания, чем уделяется сегодня в социологии права, юридическая наука по вполне понятным причинам не может, не утра-

чивая, как уже говорилось выше, предметной специфики. Прикладное знание невозможно сделать фундаментальным, равно как, например, технологию нельзя положить в основу теории – всегда бывает с точностью до наоборот. Хорошо построенная теория позволяет открывать целый спектр новых технологических возможностей, эта же закономерность прослеживается в социальной сфере, только здесь базовых теорий изначально много: некоторые затрагивают только уровень социальных процессов, некоторые – только личность, другие исследуют переходы между уровнями реальности и т.д. Для всех этих исследований насущно необходима эмпирическая информация, но сама по себе она не может указать на новую норму, равно как и на новый закон природы.

Дискуссии и обсуждение

Как справедливо утверждает Н.С. Чернякова, «сфера должного – это действительно особое измерение, но измерение самого сущего, а не некая сфера, существующая наряду с сущим. Должное противостоит не сущему, а недолжному» [2, с. 11]. И это противостояние достаточно хорошо отрефлексировано правовой наукой. Максимально реалистической в этом отношении выглядела бы аргументация следующего вида. Допустим, нам необходимо обосновать преимущественно запретительное регулирование отношений в какой-либо высокотехнологичной сфере (тот же искусственный интеллект). Как это сделать с учетом позиции правового реализма?

Первое – нужно показать (скорее всего, это будет многоступенчатое рассуждение), что отсутствие строгих запретов повлечет в конечном итоге социальную дезинтеграцию, что категорически недопустимо.

Второе – нужно выявить те параметры общественных отношений, наличие которых позволит от запретительной модели регулирования перейти к разрешительной.

Третье – необходимо указать, каким путем могут быть достигнуты данные параметры.

Во всех трех случаях задействована эмпирическая информация, при этом должное и недолжное строго разграничены. Но само понимание того обстоятельства, что технологии невозможно в течение долгого времени запрещать – это не только эмпирическое суждение, но и ценностное, а следовательно нормативное. Поэтому никакого дуализма должного и сущего в действительности нет. Он есть лишь в области строго рационального мышления, то есть формальной логики и тех суждений, которые могут быть связаны между собой по логическим правилам. Однако ни позитивизм, ни другие доктрины, критикуемые правовыми реалистами, не утверждают, что суждения в структуре научной теории должны быть связаны исключительно логикой. К тому же сфера применения «гильотины Юма», по нашему мнению, сегодня должна сокращаться, поскольку формально-логических систем за XX век математики и философы придумали огромное количество, и в каждой системе принимаются за истину свои собственные аксиомы, о существовании которых Д. Юм ничего не знал по объективным причинам, а современные правоведы (значительная их часть) – по причинам субъективным.

Сторонники правового реализма настаивают на том, что разделяемая ими парадигма имеет большее прикладное значение по сравнению с юридическим позитивизмом и натурализмом. Согласно Г.Э. Адыгезаловой, «правовой реализм и правовой плюрализм имеют общую философскую основу – это прагматизм. Опираясь на идеологию практической полезности, сторонники правового реализма пытались познать функциональную сущность права, понять причины неопределённости права» [1, с. 214]. Е.Н. Тонков, словно бы комментируя слова о прагматизме, поясняет: «право существует как практический инструмент: в этом смысле становление американского, скандинавского и советского правопорядков в период между двумя мировыми войнами было основано в большей степени на воле акторов силы, опыте и юридической практике, чем на теоретических и законодательных конструкциях. Несмотря на различия между тремя упомянутыми вариантами правового реализма, в основных теоретических предпосылках (прагматизм в США, антиметафизическая философия в Скандинавии, партийная идеология в СССР) три базовых направления имели много общего. Если в США сторонники реализма настаивали на актуализации деятельности судей, то в СССР авторами правовых новаций и доктрин становились субъекты партийно-исполнительной власти, от которых принципиально зависели и тексты нормативных предписаний, и результаты судебных актов» [1, с. 119]. Если оставить в стороне весьма спорный довод о причастности субъектов

партийной власти к созданию в СССР правовых доктрин, тезис об инструментальном характере права выглядит соответствующим и прагматизму в мировоззренческом отношении, и правовому реализму в методологическом. Вопрос заключается не в том, является ли право инструментом воздействия, находящимся в руках государства, а в том, есть ли в праве нечто еще помимо этого (не в структурном отношении, а в содержательно-смысловом)? Представляется, что прагматизм как мировоззрение не исчерпывает собой суть юридического мышления и деятельности. Надо согласиться с тем, что для целей применения права фактическая способность принимать результативные решения зависит от тщательно собранной эмпирической информации, которая, естественно, отсутствует в нормативных текстах (хотя и частично порождается их взаимным движением). Но не менее важным является и легитимность, достижение которой представителем власти позволяет ему принимать решения совершенно различной степени эффективности, не становящиеся при этом недействительными. Научный уровень правосознания вбирает в себя и подвергает рациональной переработке все известные факторы легитимации публичной власти. В этом отношении прав М.В. Шугуров, полагаящий что «философия права сама выступает значимым компонентом процесса легитимации» [3, с. 90]. И если правовой реализм фактическую расстановку сил в конкретном государстве в определенный момент времени оценивает лишь с позиции эффективности, игнорируя легитимность, он делает шаг назад в научном осмыслении действительных социальных процессов.

Исследователь права, будучи прагматически ориентирован, идет по верному пути, но гипертрифуркует важность одних аргументов и оставляет в забвении другие. Прагматизм предполагает следующее: если в ходе исследования мы используем гипотезу, принятие которой не дает практического эффекта, такую гипотезу следует отвергнуть в пользу иной, дающей такой эффект. Это хорошо соотносится с проблемой неопределенности в праве. Если предположение о природе права как логически замкнутой системе суждений оставляет невыясненным происхождение неопределенности, такое предположение следует отвергнуть в пользу иного. Сторонники правового реализма, для которых, однако, неопределенность имеет не лингвистическую, а социальную природу, как раз и заняты подбором наилучшей гипотезы. Но социальная природа (человеческая ли, институциональная, неважно) не специфична, нет единой науки, в пределах которой она могла бы рассматриваться. Как пишет М.В. Антонов, «в реалистической традиции высказано множество мнений о факторах, которые оказывают влияние на поведенческий выбор человека, на его решения и поступки – от знаменитой теории завтрака до влияния классовой, расовой, половой, религиозной принадлежности судьбы на принимаемые решения. Каждый из этих аспектов требует своего набора методов и приемов изучения, так что и в этом плане правовой реализм ускользает от определения и становится совокупностью социально-гуманитарного знания о том, что в общественной жизни воздействует на правовое поведение человека» [1, с. 168].

Чтобы не удалаться в дурную бесконечность, правовед-реалист (или, что аналогично, правовед-прагматик) должен где-то остановиться. Проблема не в том, что правовой реализм нельзя определить достаточно точно, а в том, что цепочки причинно-следственных связей, выявляемые благодаря эмпирическим данным, нигде не заканчиваются. Социальные свойства обусловлены психологическими, психологические свойства – биологическими и т.д. Наша теория, удаляясь от социального бытия, становится более обоснованной и ресурсоемкой (в отношении фактов), но одновременно бесполезной и беспредметной. Трудно называть такое положение дел реализмом.

Но и без редукции социального правовой реалист стоит перед трудностью: число свойств права или государства, или иного общественного феномена потенциально бесконечно, поэтому необходимо вначале выяснить, как создаются эти свойства, определить некий смысловой центр, вокруг которого данные свойства группируются. В натуралистической парадигме (а также, например, у А. Райнаха или раннего А.В. Полякова) таким центром будет эйдос права – объект метафизической природы, концентрирующий в себе смысловые аспекты соответствующего вида деятельности. Но реалисты не признают существования эйдосов, смыкаясь по этому признаку с позитивистами, так что их последней реальностью или субстанцией должна как раз быть деятельность. Именно в рамках разных видов деятельности создаются новые нормативные свойства, распределяемые между субъектами и объектами. Именно деятельностная структура нуждается для своего описания в массивах эмпирических данных. И только юридическая деятельность, рассмотренная как субстанция,

не исключает волевого начала в праве, признавая одновременно взаимную ограниченность воли и разума как среди индивидуумов, так и между коллективами. Однако правовые реалисты по какой-то причине не согласны рассуждать о деятельности.

Заключение

Таким образом, предпринятые в настоящей работе рассуждения позволили сделать следующие выводы.

Во-первых, различие идейной и методологической составляющих правового реализма оказалось наиболее хорошо определимым в ситуациях, кризисных для концепции. Таких ситуаций ровно две: либо от правового реализма остается лишь метод, ничем не отличимый от позитивистски ориентированной социологии, либо лишь идея предельной индивидуализации социального бытия. Во втором случае правовые реалисты оказываются не способны ответить на вопрос, кто же производит те нормативные свойства, которые затем усваиваются индивидами. Парадоксальным образом правовые реалисты являются с этой точки зрения чистыми номиналистами (в средневековом смысле этого термина).

Во-вторых, если бы сторонники правового реализма отличались не избирательной, а сплошной эпистемической добродетелью, им потребовалось бы сделать три дополнения к своей теории: а) осознать потребность не в микро-, а в макросоциологии как теоретической рамке для собираемых фактов и приступить к реализации данной потребности; б) признать субстанциальный характер человеческой деятельности, имеющий силу и в отношении социальных норм, не исключая правовые; в) осмыслить инструментальные ограничения, присущие не только конкурирующим парадигмам, но и самому правовому реализму.

В-третьих, недопущение ухода эмпирической реконструкции правовых систем в бесконечность возможно при условии признания правовыми реалистами множества разнообразных типов отношений между сущностями или суждениями о сущностях. В частности, не все связи, представляемые правовым реализмом в качестве причинно-следственных, являются на самом деле таковыми, равно как и не все связи, осознаваемые как логические, подчиняются формальной логике.

Таким образом, правовому реализму в целях большей привлекательности и повышения эффективности следует расширить и набор приемов и средств познания, и онтологию (предполагаемую схему реальности), с опорой на которую осуществляется данное познание. Тогда, возможно, о перспективах правового реализма можно будет говорить не номинально, а вполне реалистически (пусть читатель простит автору этот невольный каламбур).

М.А. Беляев, PhD, доцент, мемлекет және құқық теориясы кафедрасы, Мәскеу мемлекеттік заң университеті (Ресей Федерациясы, Мәскеу қ.) Құқықтық реализм: идея және әдіс.

Мақалада құқықтық реализмге адалдығын мәлімдейтін кейбір ресейлік заң философтары бұл тәсілдің эвристикалық құндылығын бақыланатын құбылыстардың алуан түрлілігін фактілермен және бұл құбылыстар арасындағы себеп-салдарлық байланыстармен азайту мүмкіндігімен байланыстыратыны айтылады. Құқықтық реализмнің әлеуетін осылай түсіну оның кейбір жақтаушыларының прагматикалық бағытталған дүниетанымына сәйкес келеді. Сонымен қатар, осы құралдар жиынтығымен қаруланған когнитивті субъект орналасқан әлеуметтік жағдайлар келесі себептерге байланысты жаңа ақиқаттарды іздеуге қолайлы емес. Біріншіден, әлеуметтік коммуникация тек фактілік компонентті ғана емес, сонымен қатар мемлекеттік билік саласында заңдылық ұғымы арқылы көрінетін символдық компонентті де қамтиды; құқықтық реализм әдіснамасы заңдылыққа жету және жоғалту мәселелерін жеткілікті түрде ашпайды. Екіншіден, онтологиялық компонент құқықтық реализмді жақтаушылардың еңбектерінде айтарлықтай жеңілдетілген, себебі құқықтық жүйенің жұмыс істеуіндегі ұжымдық қызметтің рөлі мен маңызы жеке деңгейге дейін төмендетілген. Үшіншіден, реалистік идеологияны ұстануды жалғастыру юриспруденция қалыптастырған пәндік ерекшеліктің жоғалуына әкеледі. Бұл ерекшелік мемлекеттік құқықтық заңдылықтарда жатыр; оларды басқа сипаттағы байланыстарға дейін төмендету әдіснамалық тұрғыдан мүмкін, бірақ тұтастай алғанда құқықтық сана үшін, әсіресе оның идеологиялық деңгейі үшін қажет емес.

Түйін сөздер: құқықтық реализм, құқық философиясы, парадигма, құқық әлеуметтануы, позитивизм, әлеуметтік ғылымдар әдіснамасы, құқықтық ойлау, құқықтық тәжірибе, прагматизм, әдіснамалық плюрализм.

Maxim A. Belyaev, PhD, Associate Professor, Department of State and Law Theory, Moscow State Legal University (Moscow, Russian Federation) Legal Realism: Idea and Method.

The paper argues that some Russian legal philosophers who declare their adherence to legal realism link the heuristic value of this approach to its ability to reduce the diversity of observed phenomena to facts, and the connections between these phenomena to causal relationships. This understanding of legal realism's potential aligns with the pragmatically oriented worldview of certain of its proponents. At the same time, the social conditions in which a cognitive subject armed with this toolkit is situated are not conducive to the search for new truths, for the following reasons. First, social communication includes not only a factual component but also a symbolic one, which in the sphere of public authority is expressed through the concept of legitimacy; the methodology of legal realism does not adequately address the problems of attaining and losing legitimacy. Second, the ontological component is considerably simplified in the works of legal realism's advocates, since the role and significance of collective activity in the functioning of the legal system are reduced to the individual level. Third, continuing to adhere to the realist ideology leads to the loss of the subject-specificity created by jurisprudence. This specificity lies in state-and-legal regularities; reducing them to connections of a different nature is methodologically possible but is by no means necessary for legal consciousness as a whole, and particularly for its ideological level.

Keywords: legal realism, philosophy of law, paradigm, sociology of law, positivism, methodology of the social sciences, juridical thinking, legal practice, pragmatism, methodological pluralism.

Список литературы:

1. Перспективы правового реализма. Коллективная монография. Под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2026. 736 с.
2. Чернякова Н.С. Ценностная природа истины: автореф. дисс. докт. филос. наук. М., 1995. 32 с.
3. Шугуров М.В. Феномен легитимности права: философское измерение. Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1(2). С. 86-103.

References:

1. Prospects of Legal Realism. Collective monograph. Edited by E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. St. Petersburg: Aletheia, 2026. 736 p. (in Russian).
2. Chernyakova N.S. The Value Nature of Truth: abstract of diss. doctor of philosophical sciences. Moscow, 1995. 32 p. (in Russian).
3. Shugurov M.V. The Phenomenon of the Legitimacy of Law: Philosophical Dimension. Russian Journal of Legal Research. 2015. No. 1(2). P. 86–103. (in Russian).

Для цитирования и библиографии: Беяев М.А. Правовой реализм: идея и метод // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 111-118. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_111

Материал поступил в редакцию 03.06.2026